

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Л І Х

1895

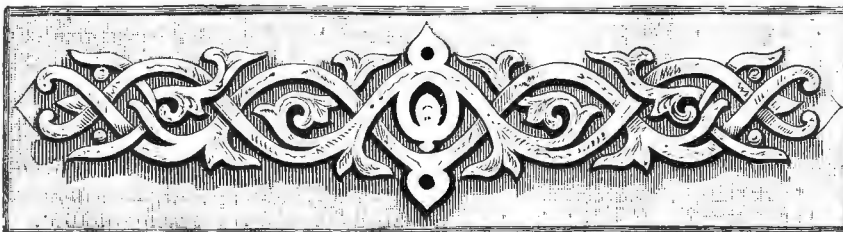

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИПА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1895

А. С. ГРИБОЉДОВЪ И ЕГО РАННЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(По поводу столѣтія со дня рожденія, 4-го января 1795 года).

Ъ РЯДУ драматическихъ писателей, выступившихъ на литературное поприще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, едва ли не одинъ Грибоѣдовъ сохранилъ до нашего времени свое значеніе и славу. Лавры когда-то гремѣвшихъ Княжнина, Аблесимова, князя Шаховскаго и др. давно увяли. Они интересуютъ лишь историковъ литературы и, забытые «невнемяющей» толпой, мирно покоятся на полкахъ библіотекъ, покрытые пылью забвенія. Смѣнились ряды направленій: русское общество попеременно увлекалось то тѣми, то другими идеалами; то одни, то другіе поэты становились на первое мѣсто, являясь временно «владельцами думъ» чередующихся поколѣній. Но Грибоѣдова не затронула эта постоянная смѣна героевъ и минутныхъ владельцевъ воображенія толпы. Почти каждому, мало-мальски крупному, критику приходилось считаться съ его типами, мастерскими ударами кисти, набросанными въ его комедіи «Горе отъ ума». Какъ Чацкій, главный герой ея, такъ и другія, второстепенныя лица, послужили темой для безчисленнаго количества комментариевъ и объясненій. Что же было причиной подобной массы сужденій, порой даже противорѣчивыхъ, объ этой пьесѣ Грибоѣдова и о главномъ лицѣ ея?

Не говоря о современной ей драматической литературѣ, даже и въ наше время, когда условныя путы ложноклассической теоріи

окончательно сброшены драматургіей, пьеса Грибоѣдова поражаетъ своей оригинальностью. Даже судя съ точки зрѣнія современной намъ драматургіи, мы должны признаться, что «Горе отъ ума» далеко не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ комедіи. Это—талантливо, горячо и убѣдительно написанная сатира, рядъ характерныхъ сценъ, въ сущности пригнанныхъ къ основной схемѣ, къ скелету пьесы—къ интригѣ Софьи съ Молчалинымъ и любви Чацкаго къ Софьѣ. Если мы обратимся къ драматической литературѣ начала нынѣшняго вѣка, то подобный приѣмъ откроемъ не въ одной только пьесѣ Грибоѣдова. Знаменитая въ свое время «Ябеда» Капниста построена точно также: сюжетъ ея, самая интрига, весьма слабо охватываетъ всѣ подробности пьесы, эти частныя небольшія сатиры, написанныя очень талантливо, но не заключающія въ себѣ главнѣйшаго элемента, неизбѣжнаго условія всякой драмы въ широкомъ смыслѣ слова—дѣйствія.

Грибоѣдовъ родился на закатѣ XVIII столѣтія, 4-го января 1795 года. Не повторяя общеизвѣстныхъ фактовъ его жизни, отмѣтимъ здѣсь лишь то, что образованіе свое, преимущественно литературное, Грибоѣдовъ завершилъ посѣщеніемъ лекцій въ Московскомъ университетѣ. Господствующей въ то время школой былъ ложно-классицизмъ, но на Грибоѣдова мало вліянія оказали его требованія, и въ первыхъ своихъ опытахъ молодой драматургъ выказалъ значительную оригинальность. Не поддаваясь увлеченію ни сентиментализмомъ, ни зарождавшимся романтизмомъ, Грибоѣдовъ отнюдь не былъ и чистымъ классикомъ, хотя и былъ друженъ съ извѣстнымъ представителемъ этого направленія—Катенинымъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ написалъ впоследствии пьесу «Студентъ». Въ этой-то независимости Грибоѣдова отъ временныхъ увлеченій эпохи той или иной теоріей, тѣмъ или инымъ литературнымъ теченіемъ, и лежитъ, на нашъ взглядъ, причина неувядаемой славы и той прочной симпатіи «Горя отъ ума», которую эта комедія вызывала и вызываетъ въ цѣломъ родѣ поколѣній.

Не останавливаясь на біографіи Грибоѣдова, мы обратимся къ первымъ его произведеніямъ, которыя лишь вскользь затронуты были критиками и историками литературы. По выходѣ изъ военной службы Грибоѣдовъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Къ этому, петербургскому, періоду его жизни относится цѣлый рядъ пьесъ, написанныхъ имъ отчасти въ сотрудничествѣ съ другими съ Жандромъ, Катенинымъ, княземъ Шаховскимъ, княземъ Вяземскимъ. Эти комедіи интересны не столько по своему содержанію, сколько по тому, что могутъ служить для характеристики постепеннаго развитія таланта Грибоѣдова, достигшаго апогея въ его безсмертной комедіи-сатирѣ. Пародія на «Дмитрія Донскаго» Озерова, существовавшая въ единственной рукописи,— утрачена. Мы можемъ поэтому обратиться къ слѣдующей пьесѣ Грибоѣдова, правда,

переводной, но отражающей вкусъ Грибоѣдова, выбравшаго ее для перевода. Эта пьеса, комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ «Молодые супруги», не что иное, какъ передѣлка комедіи Creuzé de Lesser (1771—1839)—«Le secret du ménage».

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этой пьесы. Аристъ, всего три мѣсяца женатый, скучаетъ уже съ молодой женой и ищетъ на сторонѣ удовольствій, могущихъ разнообразить ровную и ничѣмъ не возмущаемую домашнюю жизнь. Изъ разговора между супругами выясняется, что Эльмира слишкомъ избаловала своими ласками и излишней предупредительностью своего мужа. Общій другъ, Сафиръ, понимая, въ чемъ причина охлажденія Ариста къ женѣ, доказываетъ послѣдней, что мужъ ея не разлюбилъ, но что онъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ нужно постоянно держать насторожѣ кокетствомъ, вызывая ихъ ревность. Въ отсутствіе Ариста, ушедшаго на свиданіе съ какою-то Аглаей, Эльмира по совѣту Сафира наряжается и дѣлаетъ видъ, будто кокетничаетъ съ Сафиромъ. Возвращающійся со свиданія Аристъ застаётъ ихъ за пѣніемъ, начинаетъ ихъ ревновать, подозрѣвая жену въ измѣнѣ, и уже готовъ вызвать друга на дуэль. Онъ внезапно находитъ у жены всевозможныя прелести и достоинства, на которыя до сихъ поръ не обращалъ вниманія. Происходитъ комическая сцена съ письмомъ, которое Аристъ считаетъ принадлежащимъ къ пѣлѣй любовной перепискѣ между Эльмирой и Сафиромъ и которое оказывается лишь извѣщеніемъ дядюшки о выигрышѣ процесса, благодаря энергіи Эльмиры. Разочарованный въ своихъ подозрѣніяхъ Аристъ проситъ прощенія у жены и друга, и пьеса кончается примиреніемъ.

Пьеса построена живо и весело; вѣроятно, ея успѣху много содѣйствовала и игра артистовъ¹⁾: роли супруговъ были исполнены извѣстной Семеновою и Сосницкимъ. Современники раздѣлились на двѣ группы, судя о достоинствахъ этой пьесы Грибоѣдова. Зотовъ въ своихъ «Театральныхъ воспоминаніяхъ»²⁾ говоритъ, что стихи въ этой пьесѣ были очень посредственны и мало обѣщали въ будущемъ бытіи Грибоѣдова. Но А. А. Бестужевъ и К. А. Полевой даютъ болѣе благопріятный отзывъ, съ которыми и мы должны согласиться. Конечно, стихи Грибоѣдова въ его первой комедіи далеки отъ того совершенства, какого достигъ онъ въ «Горѣ отъ ума», но все-таки они живы, авторъ умѣетъ владѣть размѣромъ и порой даже очень удачно. Кое-гдѣ мы можемъ даже отмѣтить умѣнье въ сжатомъ и энергичномъ стихѣ создать образецъ пословицы, которыхъ такъ много возникло изъ стиховъ его лучшей комедіи.

Вторымъ драматическимъ опытомъ Грибоѣдова была комедія въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ», написанная въ сотрудничествѣ съ П. Катенинымъ въ 1817 году. Долгое время считавшаяся утрачен-

¹⁾ Дана въ Спб. 29 сентября 1815 г.—²⁾ Спб., 1866 г., стр. 83.

ной, комедія эта была открыта Л. Н. Майковымъ и впервые напечатана И. А. Шляпкинымъ въ полномъ собраніи сочиненій Грибоѣдова, имъ редактированномъ (Спб., 1889 г., т. II). Пьеса эта, полная личностей и намековъ, «вызвана желаніемъ уронить не столько неопредѣленное сентиментально-романтическое направленіе, сколько извѣстный кружокъ литераторовъ: Батюшкова, Гнѣдича, Жуковского, Загоскина, Карамзина и др.¹⁾»,—кружокъ, какъ видно изъ названныхъ именъ, довольно пестрый: здѣсь и классикъ Гнѣдичъ, и отъявленный романтикъ Жуковский, пророкъ сентиментализма въ Россіи—Карамзинъ и т. д. Пьеса не появилась въ свое время ни на сценѣ, ни въ печати. Главное дѣйствующее лицо, шутъ, надъ которымъ всѣ смѣются и который въ концѣ концовъ терпитъ заслуженное наказаніе за свое самомнѣніе и глупую самоувѣренность, Беневольскій, есть не кто иной, какъ Загоскинъ, подписывавшійся въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» псевдонимомъ Ювеналь Беневольскій. Прохоровъ, являющійся на выручку Беневольскому и предлагающій ему мѣсто корректора въ типографіи—вѣроятно всего Похорскій, издатель «Сѣвернаго Наблюдателя» и владѣлецъ театральной типографіи. «Загоскинъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ изъ Пензы, какъ Беневольскій изъ Казани, и отличался большою безграмотностью, какъ видно изъ писемъ его въ «Современномъ Обзорѣніи» 1868 г., и рядомъ съ этимъ, подобно Гнѣдичу, придиричивостью къ словамъ и граматическимъ формамъ: вѣроятно, отсюда ироническое назначеніе его корректоромъ»²⁾.

Считаемъ не лишнимъ сообщить сюжетъ «Студента». Изъ далекой Казани въ Петербургъ пріѣзжаетъ студентъ Беневольскій со слугой—Федькой. Онъ направляется къ генералу Звѣздову, который обѣщаль его пристроить въ столицѣ и женить на своей воспитанницѣ Варенькѣ. Беневольскій весь пропитанъ риторикой. Изъ его устъ поминутно вырываются тирады одна другой недѣльѣе. Въ разговорѣ съ Полюбинымъ, женихомъ Вареньки, выказывается вся гнусность и убожество Беневольскаго, готоваго на лесть и подхалимство и въ то же время высокомѣрнаго и самомнительнаго съ тѣми, кого онъ считаетъ ниже себя. Варенька не хочетъ выходить за него замужъ, любя Полюбина. Съ помощью различныхъ уловокъ и хитростей жены Звѣздова въ сообществѣ съ ея братомъ, гусаромъ Саблинымъ, удается возстановить хозяина дома противъ пріѣзжаго студента. Судьба Вареньки и Полюбина устраивается сообразно ихъ желанію, а подпившаго съ Саблинымъ Беневольскаго гонять изъ дому. Онъ успѣлъ уже проиграть всѣ свои деньги и готовъ переселиться «подъ покровъ синевы»; слуга Федоръ вѣроломно покидаетъ его въ затруднительный моментъ, и еслибъ не Прохоровъ, содержатель типографіи, то бѣдному поэту пришлось бы

¹⁾ Собраніе сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей Шляпкина, томъ II, стр. 515.—²⁾ Тамъ же, стр. 517.

плохо. Скрѣпя сердце и не имѣя въ виду ничего лучшаго, онъ поступаетъ въ корректоры, укоризненно восклицая: «мечты моей юности, мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! спутницы неизмѣнныя! куда вы исчезли, заманчивыя!».

Нельзя не отмѣтить въ этой комедіи прекраснаго стиля и точности языка. Манера рѣчей каждаго лица выдержана: Саблинъ—гусарь говоритъ уже иначе, чѣмъ Полюбинъ, старикъ генераль, его жена, молодая, веселая женщина, наконецъ типографшикъ Прохоровъ, слуги—всѣ говорятъ своимъ языкомъ, почему пьеса и не производитъ впечатлѣнія однообразія, не смотря на недостатки въ построеніи и неправдоподобность сюжета. Зотовъ въ своихъ запискахъ, выше разъ нами упомянутыхъ (стр. 83), называетъ Грибоѣдова романтикомъ. Мы уже замѣтили, что Грибоѣдовъ не принадлежалъ ни къ какой въ частности школѣ. Но если можно что либо отмѣтить въ изложенной сейчасъ пьесѣ, то лишь одну чисто классическую особенность, роднящую ее съ массой современныхъ ей пьесъ: это—строго выдержанное единство во всѣхъ трехъ актахъ, результатомъ соблюденія котораго является внезапность свадьбы главныхъ дѣйствующихъ лицъ послѣ Беневольскаго—Вареньки и ея возлюбленнаго Полюбина.

Видимо еще многое въ это время было неясно самому молодому драматургу: пьесы его, полныя остроумныхъ шутокъ, живыхъ сценъ, еще далеки отъ того, что онъ далъ впоследствии въ своей наиболѣе извѣстной комедіи. Однако, уже въ тѣхъ пяти сценахъ, которыя Грибоѣдовъ взялся написать для комедіи Шаховскаго «Своя семья или замужняя невѣста» (1817 г.), видно, что онъ началъ склоняться къ бытовой комедіи особаго рода: въ этихъ сценахъ, равно какъ и во всей комедіи, вѣроятно, написанной по предварительному соглашенію, мы не находимъ ни Аристовъ, ни Эльмиръ: все люди нашего общества и при томъ далеко не изъ высшихъ классовъ его. До выхода въ свѣтъ полной комедіи эти пять сценъ были напечатаны Грибоѣдовымъ въ «Сынѣ Отечества». Если въ первой изъ разобранныхъ нами пьесъ читатель найдетъ кое-гдѣ нѣкоторую неуклюжесть стиха, то эти пять явленій обнаруживаютъ, что начинающій писатель научился справляться съ стихомъ, и что стихотворная форма болѣе не тяготитъ его «и не мѣшаетъ выраженію бытоваго содержанія и живыхъ характеровъ старой дѣвы-скопидомки и бойкой молодой дѣвушки, надѣвающей на себя маску послушанія и скромности»¹⁾. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ съ начала литературной дѣятельности Грибоѣдова талантъ его значительно развился.

Въ 1818 г. Грибоѣдовъ переводитъ съ незначительнымъ участіемъ А. Жандра комедію Барта «Les fausses infidélités» съ названіемъ «Притворная невѣрность» и пытается переложить ее от-

¹⁾ А. Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 509.

части на наши нравы, впрочемъ переложеніе коснулось лишь однихъ именъ, въ остальномъ это довольно близкій переводъ пьесы Барта. Упомянемъ еще о другомъ его драматическомъ опытѣ — о «Пробѣ интермедіи». Это—дивертиссементъ, данный въ бенефисъ Брянскаго 10 ноября 1819 г.; онъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ легкости стиха, обнаруживающей умѣнье автора владѣть избранной формой.

Въ 1818 году кончился петербургскій періодъ жизни Грибоѣдова. Изъ своего далеко, впрочемъ, не прекраснаго «далѣка» поэтъ мыслью летѣлъ въ Россію. Письма его показываютъ, какъ дорогà была ему жизнь и природа роднаго края. Вдалекѣ отъ свѣта обѣихъ столицъ Грибоѣдовъ написалъ «Горе отъ ума», отразивъ много частныхъ сторонъ московской и петербургской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ давъ рядъ не только отдѣльныхъ личностей, но и типовъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Теперь мы знаемъ уже, что Грибоѣдовъ не выдумывалъ героев своей комедіи: въ изданіи сочиненій его, сдѣланномъ И. Шляпкинымъ (т. II, стр. 523—526), трудолюбиво и добросовѣстно собраны извѣстія о тѣхъ лицахъ, которыя послужили, какъ тогда говорилось, «подлинниками» для Грибоѣдова. Одинъ Чацкій не имѣетъ себѣ подлинника. Указывали, да и теперь указываютъ, что въ данномъ случаѣ Грибоѣдовъ изобразилъ самъ себя, вложилъ въ уста Чацкому тѣ мысли, которыя волновали его самого, но врядъ ли мы имѣемъ право это утверждать за недостаткомъ біографическихъ данныхъ.

Ни одинъ изъ типовъ, выведенныхъ въ русской литературѣ, не былъ такъ многосторонне и усердно комментированъ, какъ Чацкій. То указывали, что это—Чаадаевъ, другъ Грибоѣдова, то говорили, что это—Катенинъ; то, переходя въ область литературныхъ заимствованій, указывали прототипъ Чацкаго въ Демокритѣ Виландовыхъ «Абдеритовъ» или въ Альцестѣ, героѣ Молиеровскаго «Мизантропа».

Что же такое Чацкій? Это — лучший выразитель либерализма двадцатыхъ годовъ, но либераль безъ всякаго оттѣнка западничества; вспомнимъ его филиппики противъ слѣпой подражательности русскаго общества западнымъ, въ частности французскимъ, образцамъ. Это—либераль, не забывающій главныхъ основаній націонализма въ лучшемъ значеніи этого слова, видящій будущую славу и силу отечества въ просвѣщеніи и самобытномъ по возможности совершенствованіи независимо отъ западной указки. Это наше предположеніе оправдывается выше указаннымъ стремленіемъ Грибоѣдова стать внѣ партій, внѣ всякихъ внѣшнихъ отличій и формулъ, часто ничего положительнаго не заключающихъ, а лишь ставящихъ узкія рамки для дѣятельности своихъ адептовъ.